

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

КАЧЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируются принципиальные недостатки подходов, которыми современное политологическое сообщество руководствуется при экспертизе и определении научного качества теоретических и прикладных исследований по политической проблематике. Рассмотрены противоречия в содержании основных критериев, на основании которых политологическое исследование экспертами признается научным и соответствующим квалификационным требованиям. Обоснована проблематичность использования экспертным сообществом этих критериев, как объективно характеризующих прогресс гуманитарного знания.

Ключевые слова: политическая наука, научная методология, техника научно-исследовательской работы, научная экспертиза.

Quality of Political Research: the Problem of Evaluation Criteria

N. I. Shestov

The article analyzes the principal shortcomings of the approaches that the modern political science community is guided by in the examination and determination of the scientific quality of theoretical and applied research on political issues. Author examines contradictions in the content of the main criteria, on the basis of which the political science study is recognized by experts as scientific and corresponding to qualification requirements. Difficulties of usage of these criteria by the expert community, as criteria objectively characterizing the progress of humanitarian knowledge, are substantiated.

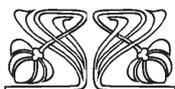
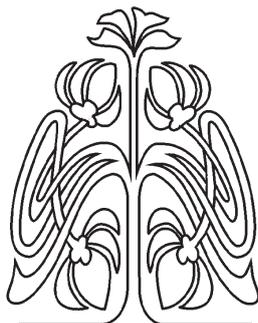
Key words: political science, scientific methodology, technique of scientific research work, scientific expertise.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313

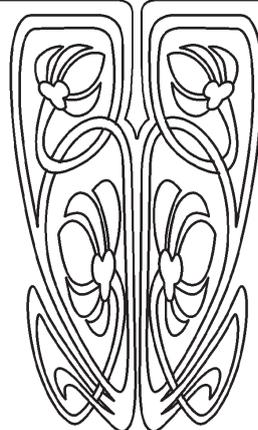
Качество современного политического исследования в зависимости от его предназначения и условий исполнения определяется многими критериями. Есть, тем не менее, общие для гуманитарных исследований критерии, с которых начинается оценка качества. Это четкость формулирования исследователем своей задачи, корректность аргументации им своих обобщений и выводов, а также новизна последних. Критерии предельно простые и четкие, и нет, вроде бы, препятствий к тому, чтобы руководствоваться ими в оценке качества политологического научного продукта.

На деле не все так понятно и просто. Чтобы практически использовать такой критерий, надо представлять себе границы его функциональности. А границы эти определяются тем, насколько понятным и единым для исследователя, качество научного труда которого оценивается экспертом, и для самого эксперта будет смысл, который они вкладывают в требование «четкости задачи», «корректности аргументации», «новизны выводов». Как раз смысл этот вызывает больше всего вопросов.

Что означает, что исследователь должен **четко сформулировать научную задачу**, а эксперт должен эту меру четкости формулировки оценить и руководствоваться ею при определении качества научного

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

текста? Ведь ее формулирование исследователем и оценка экспертом осуществляются на языке современной политологии и гуманитарных наук, смежных с нею. Язык этот имеет свои отраслевые вариации смысла отдельных терминов, формулировок и определений применительно к истории, социологии, философии, юридической науке. Понятие «легитимность», например, для политолога, историка и юриста будет наполнено разными смыслами. Среди политологов, к примеру, есть приверженцы исторических и правовых дискурсов и есть те, кто ратует за «чистоту языка» политической науки. То, что один из специалистов сочтет «четкой» формулировкой, другой может счесть просто лишней научного смысла. И отнюдь не в силу своей добросовестности или недобросовестности в качестве эксперта, а в силу субъективного предпочтения одного языка научной внутрикорпоративной коммуникации другому.

При этом над политологом, историком и юристом, как гражданином, будет еще довлеть его политическая культура, его приверженность политическим ценностям и соответствующему ценностному измерению понятий, посредством которых формулируется научная задача. В этом случае взаимное непонимание двух специалистов возможно даже в том случае, когда, например, они оба считают, что у политической науки должен быть свой специфический язык и что она не должна прибегать к дискурсивным ресурсам других наук. Представим ситуацию, когда один такой специалист оценивает «четкость» постановки исследовательской задачи другим специалистом. Гарантий, что они придут к соглашению, нет никаких. Просто потому, что один по своей ментальности либерал, а другой консерватор, одному ближе либеральные научные интерпретации смысла понятий «политика», «политический институт», «государственный суверенитет», «национальный интерес» и т. д., а другому ближе консервативные интерпретации. И каждый из них будет считать свою точку зрения единственно верной.

Есть и другая предпосылка для того, чтобы исследователь и эксперт, формально использующие один политологический дискурс, не договорились по поводу оценки «четкости» постановки научной задачи. Язык современной политической науки, как зарубежной, так и российской, складывался исторически. Это значит, что развитие его шло в соответствии с внутренней логикой и собственными потребностями политической науки, в связи с потребностями междисциплинарных научных коммуникаций. Если в отдельных областях науки знания накапливались и между ними обнаруживались связи, то возникала потребность эти связи маркировать.

Таковыми маркерами, фиксирующими междисциплинарные связи на уровне языка гуманитарных и естественных наук, стали в XIX и XX

столетиях понятия «формация», «класс», «режим», «страта», «элита», «процесс», «сознание». За то время, в течение которого эти понятия использовались гуманитариями, политологами в том числе, в собственных познавательных целях, смыслы этих понятий многократно менялись в зависимости от смены методологических и идеологических парадигм, определявших вектор развития научного знания. Они, смыслы этих понятий, и сегодня остаются предметом дискуссий в среде политологов.

Так происходит потому, что и сама политическая наука меняется, и всю новую «информацию к размышлению» на этот счет ей подбрасывают бурно прогрессирующие естественные и точные науки. По причине сложности дискурсивных потребностей самой политической науки и сложности тех путей, которыми она идет к удовлетворению этих потребностей в междисциплинарных коммуникациях, смысл многих ключевых для политической науки понятий остается нефиксированным. По крайней мере, настолько, чтобы на него можно было бы ориентироваться как на индикатор четкости либо нечеткости формулировки научной задачи в конкретном политологическом исследовании.

Нефиксированным смысл многих ключевых для политологического дискурса понятий остается еще по одной причине. В те же два столетия политическая наука, стремясь усовершенствовать свой язык, параллельно с заимствованиями из других наук активно осваивала понятийный ряд обыденных социальных дискурсов. Таким образом она обеспечивала себе канал коммуникации с массовым сознанием и большой простор для дискурсивного маневра. Со временем, например, прижились и стали частью языка отечественной политической науки понятия «государство», «общество», «справедливость», «свобода», «смута». Даже в одном политологическом тексте эти понятия могут присутствовать как в научном, так и обыденном смыслах. Переход от одного смысла к другому можно проследить по довольно обычной для отечественных политологических исследований практике, когда, например, эквивалентом понятия «государство» для автора научного текста выступает понятие «власть» (оно же может выступать эквивалентом понятия «элита»), а эквивалентом понятия «общество» нередко выступают «социум», «народ» и «электрат».

В результате всех этих особенностей функционирования языка политической науки получается, что критерий «четкости» находится в большой зависимости от множества дискурсивных неопределенностей, а также от способности конкретного исследователя или эксперта не придавать этим неопределенностям принципиального значения при передаче и восприятии смысла научных высказываний. Получается, что «четкостью» обладает то понятие и та формулировка,

которые, по мнению специалиста, не выходят за привычные для него и потому кажущиеся ему естественными границы неопределенностей в научном дискурсе.

Следующий вопрос: что значит **корректность аргументации** в политологическом исследовании? Научно корректной обычно считается аргументация, опирающаяся на логику (для гуманитариев – формальную и диалектическую) и на факт (современный либо исторический). Проблему выбора логики решает для себя сам исследователь. В принципе, только он ответственен перед собой и коллегами за то, способен ли он вообще логически мыслить, или нет. Современные представления о формальной и диалектической логике опираются на хорошо разработанные теоретические основания и богатый опыт научного применения. Поэтому отсутствие логики в научном тексте легко заметить. Это критерий, вполне применимый как для оценки качества формулировки научной задачи, так и для оценки качества научного доказательства.

С «фактом» все обстоит сложнее. В том, как его толкуют современные российские политологи, сказывается своеобразная научная традиция. В частности, исторически мыслящий российский политолог с хорошим историческим образованием (не обязательно специальным, а просто хорошим) будет настаивать на признании «фактом» только того в прошлом и настоящем политики, что, как он считает, в политическом процессе «было на самом деле».

В позапрошлом веке немецкий историк Л. Фон Ранке предложил научному сообществу эту формулу в качестве критерия для определения качества исследований на исторические темы. Профессиональные историки в нашей стране и за рубежом много и долго спорили по этому предмету и в большинстве своем согласились с невозможностью использовать данный критерий на практике. Для профессионального историка, имеющего опыт работы с разнообразными источниками, содержащими информацию о прошлом, понятна причина этого.

На практике невозможно добиться такого максимального уровня объективности воспроизводства событийного ряда и исследовательских суждений по поводу тех или иных событий уже потому, что свидетельства эти оставляют живые люди. Они обладают собственным взглядом на происходящее вокруг них и не способны, как правило, эмоционально и рационально дистанцироваться от происходящего. Люди оставляют свидетельства не того, что «было на самом деле», а того, что они увидели вокруг себя, и того, что поняли или не поняли в происходящем. Это правило распространяется и на человека, профессионально и добросовестно занимающегося изучением прошлого только по тем источникам, которые ему удалось обнаружить и в достоверности показаний которых он не сомневается.

Уверенность историка, что он реально сможет историю народа и государства написать «как оно было на самом деле», сродни известному *credo* Фомы Аквинского: «Верую, ибо абсурдно!».

Спорят ли отечественные историки о «реальных фактах» начальной российской истории, или о «белых пятнах» истории советской, каждый раз результатом таких длительных дискуссий становится предельное, до неуловимости, истончение в сознании исследователя границ между событием, свидетельствами источников об этом событии и авторитетными мнениями коллег об этом событии. В процессе такого истончения границы и формируется представление конкретного исследователя о конкретном «факте». Исследователем движет уверенность, что событие, о котором он ведет разговор, не есть в чистом виде плод его фантазии, что это событие некогда занимало определенный сегмент физических пространства и времени и вызвало в них те изменения, которые тогда же или позже зафиксировали исторические источники в формате суждений свидетелей и их ближайших потомков об этом событии. Основываясь на этой уверенности, он осуществляет «картографирование» события. «Картографирование» это, заметим, если оно получает отклик в массовом сознании, ведет к формированию в нем стереотипной (социально-мифологической) картины события. На «карте» исследователь располагает в оптимальных, по его мнению, позициях сообщения источников и интерпретации этих сообщений его коллегами по научному цеху. Их он перемежает собственными суждениями и оценками.

Если эта «карта» выполнена исследователем добросовестно и с соблюдением методологических требований своей эпохи, то для современников и даже потомков она становится своего рода путеводителем по «факту». Она позволяет самому исследователю и читателям его текстов видеть «факт» одновременно с многих сторон, т. е. объемно. «Факт», таким образом, можно представить как аккумуляцию разнообразных мнений о событии, основанную на уверенности авторов этих мнений в реальности этого события.

Аккумуляция эта, заметим, относительно неустойчива. Ее стабильность постоянно нарушается появлением новых источников, сообщающих исследователям события некую новую информацию о нем. Нестабильность продуцирует также появлением новых поколений исследователей, которые на основании этой новой информации высказывают собственное мнение о событии, отличное от мнений предшественников. Они, таким образом, актуализируют «факт» в научном процессе и формируют его динамику. Свойство аккумуляции и подверженности коррекции исследовательского «мнения» позволяет «факту» быть ресурсом прогресса исторического знания и конструктивным элементом научной традиции.

Профессиональные историки и политологи, изучающие свой предмет с использованием хорошо известных методологий, как правило, не углубляются в размышления о природе «факта», как и размышления о причинах бесконечной длительности многих научных дискуссий о прошлом и настоящем. Причиной же в большинстве случаев является их отношение к «факту» как к «истине», своего рода «фактологический идеализм». Когда с позиции такого идеалистического представления о «факте» эксперт-политолог оценивает аргументацию своего коллеги, то он признает ее «корректной» в том случае, если она соответствует, не больше не меньше, его представлению об «истине». Работающим критерием оценки качества политологического исследования в данном случае является не авторская логика и тем более не «факт», а сугубо субъективная уверенность эксперта, что «истина» ему ведома.

Решить спор двух специалистов-гуманитариев по поводу того, что в их научных аргументациях является «фактом», а что нет, не получится, так как его часто решают представители точных и естественных наук. Точникам и естественникам опознать «факт» и «не факт» помогает научный эксперимент. В сфере гуманитарного знания «факт», если исходить из сказанного выше, это далеко не то, что можно проверить и перепроверить экспериментально. Постановка экспериментов над обществом, как показывает опыт мировой и российской политической жизни, это затея неэтичная, рискованная. К тому же заведомо бесполезная. Бесполезна эта затея потому, что хорош только тот эксперимент, который можно воспроизвести и при одинаковых условиях его проведения получить аналогичный результат. В случае постановки эксперимента над социально-политической системой (или ее частью) результат будет каждый раз иной даже при вроде бы сходных условиях. Различие результата будет следствием наличия у подопытных индивидов трезвого ума и доброй памяти, а также постоянно меняющихся жизненных интересов и жизненного опыта.

Можно, например, представить современные электоральные технологии в качестве своего рода описания эксперимента, который властная элита периодически ставит над электоратом. И понятна будет в этой связи причина парадокса: универсальная технология есть, а результаты ее практического применения отличаются каждый раз большим разнообразием даже в тех случаях, когда «электоральный эксперимент» ставится при сходных культурных, экономических и правовых условиях проведения выборов, и даже в одном и том же месте и в одно и то же время.

Эксперимент с натурой политологу заменяет анализ и обобщение собственного и чужого теоретического и практического политического опыта. И «факт» для него – это изначально не верифицируемое знание. Часто для него «факт»

– это всего лишь то, чему ему и его коллегам по научному цеху удалось найти рациональное и, что не менее важно, приемлемое для массового сознания объяснение. А таких рациональных и доступно массовому сознанию объяснений изначально будет столько, сколько есть самостоятельно и оригинально мыслящих исследователей.

Все эти критические замечания в адрес традиционного отношения историков и политологов к «факту» снимаются обычно доводами другого порядка. На гуманитарном знании основаны разнообразные политические, культурные и экономические идентичности современных людей. Будут ли эти идентичности устойчивы и действенны, если их основанием станут только мнения ученых, пусть даже авторитетные и аккредитованные, которые постоянно меняются и конкурируют друг с другом? Куда прочнее выглядит идентичность, основанная на представлении, что за мнениями скрывается «истина» и когда-нибудь наука до нее докопается. Это решающий аргумент в пользу нужности научных исторических знаний для большой массы людей, далеких от науки, но ищущих в прошлом опору для своих культурных, политических, религиозных и иных идентичностей. Такой же опоры для своих разнообразных идентичностей эта масса рядовых российских граждан ищет и в политологическом знании, поскольку часто видит в нем не столько самостоятельную область знания, сколько продолжение историописания, так сказать, историческое описание современности. Это значимый аргумент для тех политологов, которые стремятся на основании «истинных фактов» писать историю современной политики так, чтобы это знание приносило обществу практическую пользу. Пользу обществу политическая наука, несомненно, приносит. Но это не повод для нее, как представляется, обходить вниманием собственные внутрикорпоративные проблемы и интересы.

Последний вопрос из этого ряда: что значит **новизна выводов**, полученных в ходе исследования? Та новизна, на которую эксперт должен ориентироваться как на ключевой критерий качества научного продукта. В точных и естественных науках, например, новым нередко бывает признан научный результат, который представляет собой решение исследователем ранее известной задачи, но иным, чем это было раньше, способом.

Не так просто выглядит ситуация с этим критерием в гуманитарных науках, и политологии в частности. Представим ситуацию. Допустим, один политолог, изучающий, например, проблематику гражданского общества в России, пришел в результате кропотливого исследования «фактов» к выводу об отсутствии перспектив у либеральной модели этого общества в нашем Отечестве. При этом он логично выстроил всю

свою систему доказательств этого суждения, опираясь, к примеру, на системно-функциональный и институциональный методы. А другой исследователь, работающий в русле этой же проблематики, пришел к такому же выводу другим путем. Он тоже логически последовательно выстроил «фактическую» аргументацию, но, опираясь, например, на неоинституциональный и политико-психологический методы. Можно ли его результат исследовательских усилий считать новым вкладом в политическую науку и в политическую практику в сравнении с первым результатом?

Можно данный пример считать не вполне корректным и сказать, что методы эти давным-давно известны политической науке, и потому в применении ни тех, ни других никакой новизны не будет. Сегодня на методологию, действительно, трудно ориентироваться как на критерий новизны политического исследования уже потому, что политическая наука активно осваивает новейшие методы смежных с ней гуманитарных наук, а также наук точных и естественных. По простетвию двух столетий развития политической науки даже эти заимствуемые методы для нее уже выглядят вполне традиционными.

К проблеме можно подойти с другой стороны. Изменится ли экспертная оценка новизны результатов труда политолога-исследователя, допустим, в том случае, если он придет к упомянутому выводу о бесперспективности реализации в России «западной» модели гражданского общества неким теоретическим путем, ранее вообще не известным современной мировой и отечественной политической науке? Будет ли тогда вклад этого исследователя в политическую теорию и практику признан новым? Скорее всего, нет. Возможно даже, возникнут дополнительные трудности с признанием этого вклада научным. Ведь работоспособность нового метода еще только предстоит доказать. И аргументом против признания нового метода достаточным критерием новизны всего исследования будет для эксперта то, что методология в научном исследовании есть методология, что она может быть новой и не новой, а вот результат есть результат, и он обязан быть новым.

Такое отдельное требование к выводу предопределено специфической структурой вывода в гуманитарном исследовании. Вывод обычно, кроме обобщения материала, содержит в себе еще и авторскую этическую и идеологическую оценку этого материала. Методология прямо не определяет эту оценку. Ее определяют пристрастия самого исследователя и тот социальный запрос, в ответ на который он занимается научной работой. В результате ситуация складывается так, что одной только новизны методологии недостаточно для экспертной оценки новизны всего исследования. Теоретически все эти позиции надо оценивать в комплексе. Проблема в том, как

в этом комплексе свести научную методологию с социальной этикой и политической идеологией так, чтобы можно было бы говорить о внутренне непротиворечивом критерии, по которому можно было бы максимально объективно судить о новизне научного продукта. Пока решения этой проблемы нет, оценка нового качества научного труда самим исследователем и его экспертом с неизбежностью будет иметь эклектичные основания.

Пока все эти вопросы не обсуждены и не согласованы внутри политологического сообщества, трудно говорить о существовании в настоящий момент неких общих позиций, с которых для современного российского политологического сообщества возможна непротиворечивая и неконфликтная оценка качества результатов творческой деятельности его членов. До той поры в стратегии и тактике решения проблем качества политологических исследований будет доминировать чисто «делопроизводственная» логика: чем меньше будет исследователей, чем большим числом бумаг будет обставлен их творческий процесс, чем больше их будет одолевать соблазн уйти из науки в другие сферы деятельности, тем выше будет качество «штучного» результата исследовательской работы. Этой логике есть оправдание. Раз научное сообщество само слабо рефлексирует на тему «критериев качества», эту функцию рефлексии берут на себя управленцы. И они, заметим, делают для прогресса науки все, что в их компетенции и что соотносится с их не менее, чем у исследователей, размытыми представлениями о критериях оценки качества научного исследования. Отношение исследователей и управленцев к проблеме повышения качества научных результатов – это продукт одной российской системы высшего образования и одной научной традиции.

Большую часть тех проблем, о которых говорилось выше, невозможно решить быстро. Некоторые из них просто неразрешимы в обозримой перспективе научного процесса. Они, тем не менее, очерчивают границы того пространства коммуникаций в политологическом сообществе, из которого исходят вызовы устойчивости и конструктивности таких коммуникаций. Вызовы перспективе существования политологической корпорации как таковой в современной России. Возможно ли нормальное существование и воспроизводство корпорации, взаимоотношения внутри которой строятся по принципу предьявления ее членами друг другу недостаточно осмысленных и четко сформулированных требований? Скорее всего, нет.

Вопрос не в выработке каких-то иных критериев качества научного труда. Отказаться от использования критериев качества, о которых говорилось выше, современная политическая наука не может. Это значило бы отказаться от той научной традиции, в русле которой отечествен-

ная политология сегодня продолжает свое развитие. Тем более, что эти критерии, как уже было отмечено, имеют общенаучный характер и связывают политическую науку с остальным массивом отечественного научного знания. Вопрос в понимании исследователями и экспертами того, что критерии качества существуют не сами по себе. Эти критерии – не более чем абстракции с неустойчивым смыслом, практическую функциональность которых применительно к современным нуждам политической науки определяют совсем не нормативные документы. Их функциональность в конечном счете определяет внутрикorporативная солидарность. А солидар-

ность эта обнаруживает себя в готовности одного политолога, оценивающего качество научного труда другого политолога по упомянутым критериям, поразмышлять над тем, насколько ему самому понятен смысл этих критериев. Насколько он сам себе способен объяснить, как этот смысл критерия может меняться и меняется в приложении к разным политологическим текстам, разным их структурным элементам, отражающим разнообразие интересов и методологических возможностей современной отечественной политической науки. Тогда «судебный приговор» научному труду не будет подменять собой научную экспертизу его качества.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Качество политического исследования: проблема критериев оценки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 308–313. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313.

Cite this article as:

Shestov N. I. Quality of Political Research: the Problem of Evaluation Criteria. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 308–313 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313.
